ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146 УДК 101

КАК ВСТРЕЧАЮТСЯ СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ

Тимощук Алексей Станиславович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН,
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67Е
ORCID: 0000-0003-4664-3215
timos@33.fsin.gov.ru

Аннотация

Английский философ-эмпирик Дэвид Юм (1711–1776) сформулировал логическую проблему взаимодействия сущего и должного: нравственные императивы, нормы, юридические законы, ценности, цели, политики и т. п. не выводятся из фактов. Квантор существования неприменим к высказываниям со словами «должен», «обязан», «следует». Аналогично, искусственный интеллект способен оперировать с темпоральной, эпистемической и даже с алетической модальностями, но не может анализировать деонтические и аксиологические операторы и т. п. «Гильотина Юма» заставляет разграничивать нормативное от дескриптивного и дедуктивного.

Право – самая нормативная и точная гуманитарная наука, где соотносится наличное и идеальное. Стремление определить его сущность рождает фундаментальные вопрошания о его местонахождении. Стоит ли приравнять норму и бытие? Можно ли вывести право из социального нормирования? Увидеть его в психологической потребности порядка и устойчивости, субъективного переживания долга? Как породнить сущее и должное в противоречивой категории «закон», которая означает одновременно объективное и наличное и, с другой стороны, ценностное и конкретное? Социальной аватарой дилеммы онтического и деонтического выступает зазор между нормативной и социологической юриспруденцией. Методологическая чистота нормативизма наталкивается на подвижную социальную реальность. Специально-юридические средства и процедуры могут создать полицейский режим, но не могут создать систему социальной справедливости. Право с точки зрения сущего – это признание зависимости юридического от социального, политического, экономического. Однако без должного право теряет свой инструментализм. Поэтому государство подобно мангровой биоме, объединяющей разнородные среды – сущего и должного. Статья развивает модели юри-

дической метатеории или такой дескрипции права, которая объясняла бы формы союза должного и сущего.

Ключевые слова: деонтическое, новая нормальность, диалектика, метафизика, теория систем, синергетика, теория габитуса, юснатурализм, философия права, юридический позитивизм.

Библиографическое описание для цитирования:
Тимощук А.С. Как встречаются сущее и должное // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 127–146. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146.

Введение

Сущее и должное вместе с познаваемым, логическим, эстетическим, социальным формируют комплексность глобального мира. Бытие, сущее и должное создают для личности критерии собственной безопасности, границы устойчивости. В статье ставится проблема деонтической антиномии или конверсии «есть» / «должен», разбираются модели примирения деонтического и описательного, нормативного и фактического, аксиологического и действительного. В силу того, что обычный человек не всегда разграничивает в своем сознании модальности «сущее», «возможное», «желательное», «должное», «оценочное», «предписывающее», порой имеет место их подмена, ибо в сознании они всегда протекают где-то рядом. Косвенно трансформация «возможного» в «сущее» поддерживается популярной психологией («главное – это поставить цель», «из желания рождаются возможности», «цель содержит в себе результат»). Вместе с тем демаркация этих доменов необходима для самокритики и прояснения общественных идеалов. Самая распространенная подмена «сущего» и «должного» – это использование понятия «физический закон» для гуманитарной сферы. То, что жестко детерминировано в области физики, не работает как однозначная связь между причиной и следствием в области права. Как возможно взаимодействие онтического и социально-юридического? Рассмотрим несколько проектов встречи нормативного и бытийного: диалектика, метафизика, теория систем, синергетика, постмодернизм, теория габитусов.

Диалектика

Диалектика – древнегреческое учение об изменчивости мира и способах нахождения истины в антиномиях, динамике, противоборстве. Интуиция Гераклита и Сократа позволила установить диалогическое творчество в качестве критерия орудийной парадигмы. Диалектика раскрыла себя в судебном красноречии, юридической эквилибристике, тяжбах и прениях. В популярной культуре сложился образ адвоката, который игрой слов и юридической софистикой достигает невозможного. Диалектика как мета-

теория юридической техники исходит из того, что смыслы нужно негоциировать, выторговывать. Мир – это агон, арена борьбы, а юрист – это технолог успеха.

Диалектика сохраняет претензию на всеобщность, на метатеоретичность, поскольку исходит из тезиса развития природы, общества, мышления, а право не может не зависеть от эпохи и культуры [16].

Диалектика важна также потому, что она выражает проблему антиномии естественного и позитивного в праве, предостерегает нас от односторонней правовой социализации: «…западные политики пытаются порой с помощью интриг и штыков насаждать свои демократические ценности другим нациям, которые объективно еще не готовы к быстрой и коренной политико-правовой перестройке. Иноземное вмешательство разрушает традиционные социально-правовые институты и веками складывающиеся ценностные паттерны традиционных обществ. Это вызывает моральную дезориентацию и протестные настроения у народов, загоняемых в "прокрустово ложе" западных социальных и юридических норм. Ошибка современных радикальных идеологов и политиков заключается в том, что они не осознают условного и исторически изменчивого характера конкретных требований естественного права по отношению к действующему праву» [15, с. 223].

Диалектика в метатеории права рассматривается методологически, как положительная эвристика и прогностика, арбитр между оппозициями: «равенство – эффективность», «безопасность – свобода», «дивергенция – конвергенция», «этничность – интернационализм», «однородность – гетерогенетика», «позитивизм – юснатурализм», «инновации – консерватизм», «сущее – должное» [34, 35].

Таким образом, диалектика – это не только основание для исторического материализма; она сохраняет способность к интерпретации правовых решений, областей права, международной политики. Диалектика напоминает нам, что право является одновременно условием освобождения и господства, условием всеобщего благосостояния и манипулятивной технологией собственников средств производства. Диалектическое решение соединения дескриптивного и деонтического заключается в переключении между разными модусами коммуникации, переноса проблемы в софистику. С другой стороны, гносеологическая особенность диалектики – лавировать между антиномиями и эксплицировать сущее и должное как определенные модусы бытия.

Метафизика

Любопытна в этом смысле противоположность диалектики – метафизика, по сути, первая метатеория. Эта сверхчувственная модель исходит из вечности, покоя и детерминизма высшей воли. Метафизика хо-

рошо коррелирует с юснатурализмом и концепцией врожденных прав человека. Более того, юриспруденция, эта самая позитивная, точная и эмпирическая гуманитарная дисциплина, базируется на ряде метафизических предпосылок, истинность которых нельзя проверить в эксперименте, как-то: все люди равны между собой и перед законом; лжесвидетельство, кража, убийство, изнасилование – преступления, за это должно быть наказание. И этот список можно продолжать до бесконечности! Ибо все высказывания, имеющие деонтическую модальность, эмпирически пустые. Как заметил Д. Юм, из «сущего» не следует «должное» [19]. Таким образом, вся юриспруденция – это продолжение духовно-социальной метафизики! Правовая идеология Возрождения и Просвещения, политика права, юридические идеи немецкого идеализма, историзм и романтицизм в праве, трансцендентальный наблюдающий и феноменология права, органицизм в праве, метафоры в праве, социальная реификация права – всё это метафизика. Право нагружено метафизическими предпосылками [37, 38].

Несмотря на длительное отторжение метафизики в эмпирической науке, природа юридической реальности не может быть осознана вне контекста развития метафизики. В конце концов, невозможно представить категорию свободы вне метафизики права. И даже Маркс – это тоже метафизика, поскольку его прометеевский утопизм вырос на античной романтике, левом гегельянстве и историческом праве Савиньи [36].

Закономерен вопрос: как же быть с юридическим позитивизмом, который должен противостоять метафизике? Дело в том, что позитивизм – это инструментальная практика, не нуждающаяся в предельных абстракциях. Он объективирует себя как воля и не спекулирует по поводу источников и конструкций.

Теория систем

Теория систем исходит из изоморфности законов любых совокупностей с регулярными связями: структура, эволюция, деградация, адаптация, регенерация. Интерес к теории систем как к метатеории вызван кризисом редукционизма. Объяснение юридических процессов механикой и географический детерминизм перестали удовлетворять потребностям науки [17]. Судьба теории систем показательна и иронична – это генерация множества вариантов всеобщего (Л. фон Берталанфи, А.А. Богданов, М. Месарович, Ю.А. Урманцев, А.И. Уёмов). Попытки создания всеобщей теории общего ускользают от человека в силу его ограниченности. Даже если представить утопическую модель, в которой человечество отказалось от конфликтов и направило всю энергию на создание такой теории, то времени его существования в Солнечной системе не хватило бы для описания

всех связей, уровней, процессов, энергий, веществ, совокупностей данных. Известно, что попытки создания теории всего сущего в физике (теории великого объединения), выражающей в одной формуле все виды взаимодействия, не увенчались успехом. Равно как и не было создано единой космологической теории, а вместо нее мы имеем целый разнородный набор: модель Фридмана, модель Хаббла, теория Большого взрыва, инфляционная модель, теория суперструн, теория Мультиверсума, голографическая Вселенная и др.

Успешные концепции единого сущего известны, пожалуй, только в богословии, которое всё же не является строгой наукой, как бы ни пытались продвинуть в учебниках оксюмороны типа «теологическая теория происхождения государства». Опять же создано великое разнообразие богословских систем описания сущего, которые для упрощения можно поделить на авраамические и индо-буддийские. Для того чтобы показать абсурдность создания теории всеобщего на примере теологии, просто назову авторские системы единого сущего, созданные в одной из шести школ (ортодоксальных! Еще масса гетеродоксии!) – Веданте на протяжении последних двух тысяч лет: Аупадхикабхедабхеда (Бхаскара), Свабхавика веданта (Ядавапракаша), Шанкарабхашья, Шри Бхашьям (Рамануджа), Таттвапрадипа (Мадхва), Веданта париджатасаурабха (Нимбарка), Сарвагьябхашья (Вишнусвами), Анубхашья (Валлабха), Говиндабхашья (Баладева), Сиддхантадипика (Шрикантха), Вигьянамритабхашья (Вигьянабхикшу), Лакмши-вишиштадвайта (Шринивасам Дикшитар), Брахма сутра бхашьяратнам (Муктананда Свами), Рагхава крипа бхашьям (Свами Рамабхадрачарья). Конечно, эти учения связаны друг с другом, заимствуют положения, обмениваются наработками, спорят и формулируют консенсусные стратегии, чтобы затем резко отмежеваться и сформулировать свою сиддханту (заключение). В этом вся идиосинкразия людской самости. Вопрос даже не в адекватности той или иной системы: самые лучшие описания сущего будут оттеснены массой потомков, желающих «мыслить иначе». Может ли неоднородный мир создать единую теорию сущего? Теория систем – наиболее амбициозный и настолько же утопический проект, где самая перспективная модель – синергетическая в силу ее естественно-научных оснований. И даже синергетика не решает проблему сущего и должного, как мы увидим далее, ибо ее научные основания находятся вне онтической модальности, она занята гетерогенетикой и фазами обострения.

Синергетика

Синергетика – это самая модная и популярная метасистема, ее можно считать гибридом диалектики и теории систем с добавками термодинамики и теории катастроф. Термин «синергетика» был разработан в физике,

где стали использовать греческое слово для выражения идеи совместной деятельности, общей энергии. Идеи самоорганизации нашли применение не только в естественных науках, но и в философии, психологии, педагогике.

Накоплен опыт использования идей синергетики в праве. Известно, что мозг обрабатывает информацию в хаотическом режиме. Интерактивная хаотическая среда оказывается очень продуктивной для развития творческого мышления. Эмерджентность права обусловлена комплексом причин, к числу которых относятся: 1) скорость обновления массива юридических актов на федеральном и региональном уровнях; 2) синергийный эффект взаимодействия права, политики, экономики, медиа, науки; 3) внедрение неклассических постколониальных гносеологических моделей. Философия нелинейного момента для государства и права концептуализируется в терминах нестационарности, хаосмоса, новой нормальности, янусовидности, ситуации VUCA.

Особенность постиндустриального общества – это демографический вызов, который стал драйвером развития глобальной экономики и одновременно поставил вопрос о достижении технологических пределов развития. Для достижения устойчивого развития человечеству следует оставить войну как старый способ решения экономических проблем и сосредоточиться на конвергенции знаний и технологий на благо общества. Это единственная возможность для прогресса в XXI веке. Иначе национальные системы будут подвержены нестабильности, эмерджентности, усложнению, рискогенности, инкорпорации [1, 30].

Точка равновесия в праве – это утверждение доминирующей нормы, а обучение на грани хаоса – это рассуждения в разных направлениях, выдвижение множества альтернативных позиций, сталкивание их и выработка собственного мнения. В результате понимание становится личностным, глубоким, разносторонним. Синергетика в праве стремится найти наиболее продуктивную точку между порядком и беспорядком. Любая система знаний, согласно синергетике, должна оставаться открытой новым идеям, инновациям. Это и обеспечивает ее преемственность и стабильность. Самые «тупиковые» предложения порой оказываются конструктивными решениями.

Синергетика берет начало с изучения нелинейных систем физики, теории нечетких множеств математики. Тем не менее это не физическая теория, а теория структурных взаимосвязей. Эти взаимосвязи могут быть изложены как математическим, так и естественным языком. Всё, что касается теории рисков в праве, также косвенно относится к синергетике, так как исходит из факторов стихийности, неопределенности, случайности, контингентности, социальной энтропии [18].

Синергетика может применяться не только на математическом уровне, но и на юридическом благодаря своим универсальным принципам, таким как устойчивость и неустойчивость, контролирующие параметры, параметры порядка, параметры подчинения [4, 5, 31].

Таким образом, синергетика права исходит из того, что правовая система является открытой, что позволяет ей находиться вдали от энтропии, что, однако, не мешает при неблагоприятных социальных полифуркациях складываться режиму аномии. Модальности сущего и должного не освещаются в синергетике права, которая имеет дело с неоднородностью и флуктуациями государственно-правового будущего.

Постмодерн

Завершая обзор метатеорий юридической техники, нельзя проигнорировать постмодернизм и теорию габитусов. Эти две метатеории, как и синергетика, фундированы в неустойчивости, транспозитивности социальных отношений. От них постмодерн отличается деконструкторским характером, когда социальная сложность описывается как ризома, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, складка, лабиринт, игра, постправда, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ, гибридность, янусовидность [22, 27].

Юристы немедленно обратили внимание на то, что постмодернистский новояз успешно стал использоваться в мировой политике, подменять классические понятия: истина, добро, красота, причина, сущность, центр, иерархия, метафизика, трансцендентное, норма, творчество, гуманизм, мужское, женское, традиция, материя, субъект, объект. Вместо них пришли мнимые концепты ускользающей неклассической реальности: интерес, след, игра, случай, анархия, хаос, сеть, лабиринт, комбинаторика, рандом, ризома, ирония, кич, нечеткость, концепт, медиа, смерть автора, интертекст, контекст, гипертекст, деконструкция, шоу, скандал, хайп, эпатаж, абсурд, перформанс, хэппенинг, арт практика, трансгендер, асексуал, унисекс, бодипозитив, имитация, дегуманизация, виртуализация, стимулирование, демонстративное поведение, деонтологизация, интерпретация, релятивизм, имидж, образование-развлечение (edutainment), «казаться, а не быть», аисторизм (конец истории), постправда, неолиберализм и т. п. [32].

Мы живем в эпоху, когда научные знания как никогда доступны. Массово используются технические термины из самых разных областей науки: апелляция, ПЦР-тест, маркетинг, генетика, точка бифуркации, энтропия, нейронная сеть, квантовый компьютер и т. п. Вместе с тем информационное общество вполне сосуществует с мифотворчеством, так как человеку онтологически свойственна потребность в нарративизации бытия, со-

чинении утешительных историй [23]. Существенным инструментом манипуляции выступают технологии медиатизации контента: нарезка, вброс, троллинг, подмена, итерация, флудинг, spindoctoring, флейминг, вирусные новости и т. п. [25, 29].

Абсурдизация, переворачивание смыслов, деонтологизация знаний, игра, манипуляция – всё это примеры неклассического информационного управления. Следует различать, однако, онтологическую сложность и неклассическую (постмодернистскую) изощренность. Мир, действительно, сложен на всех уровнях бытия. Для описания этих напластований комплексности было предложено несколько терминов. Так, после мирового экономического кризиса стал циркулировать термин «новая нормальность» как образ онтогносеологической сложности, наслоения уровней и модальностей, смешения хаоса и порядка [12].

Для юристов новая нормальность проявилась в вызовах страхования ипотечного кредитования, секьюритизации инвестирования, превышении уровня рисков планки правового (нормального) регулирования. Для муниципального управления новая нормальность означала устранение на земле социальных последствий взрыва финансового пузыря, образовавшегося вокруг рынка недвижимости; снижение налоговой базы и планирование дефицитных бюджетов. Новая нормальность породила много описаний: от самых нейтральных («чрезвычайная ситуация порождает много возможностей для управляющего класса», «социальная дистанция становится физической») до критических («принуждение к единодушию», «безальтернативное изменение правил игры», «административный ад») и постмодернистских («симулякр нормальности», «акт неожиданной дефекации через рот», «ребенок, неожиданно обретенный от мужчины сзади»). Сущее и должное в постмодернистской теории права предстают рассогласованным единством регулятивов, а их двойственность снимается игрой, хайпом, бесконечной рекомбинацией смыслов.

«Новая нормальность» фиксирует разрыв между проективно-волевым уровнем планирования элит и реальностью ограниченности ресурсов и множественности глобальных амбициозных акторов. Проблемы новой нормальности в прошлом решались мировой финансовой элитой за счет ограбления колоний, поглощения государств через финансовые схемы. Неоколониализм в современной геополитике вашингтонского консенсуса весьма затруднен из-за активности старых и новых субъектов международного права: Индии, Ирана, Индонезии, России, Саудовской Аравии, Турции и др. Собственно, эта ситуация амбиций множества игроков и ограниченности ресурсов и порождает условия новой нормальности, когда в экономике нужно действовать с «нулевым ростом» ВВП, а в праве – осуществлять символические упражнения в санкциях.

Пандемия стала новым кейсом новой нормальности, когда логика повседневности была прошита паранепротиворечивыми нитками: «коронавирус хорошо изучен, однако он непредсказуем»; «вирус очень опасный, но летальность у него низкая»; «следите за обонянием, хотя это симптом многих инфекций»; «вакцинация добровольна, но у Вас нет права отказываться от прививки». Ранее для описания сложности в политике использовался акроним VUCA, который фиксировал неустойчивость среды (volatility), неопределенность (uncertainty), сложность (complexity) и многозначность (ambiguity). Гибридность новых войн как раз заключается в избирательном, комбинированном отношении к противнику: «здесь торгуем, здесь воюем»; «этот союзник хорош в одном, но вредит нам в другом»; «асимметричный удар по противнику в экономической сфере повлиял на состояние энергобезопасности союзника».

Постмодернизм заявил о себе как об универсальной методологии, эксплицирующей все неопределенности и блуждающие предметности противоречивой социокультурной жизни информационного общества. Успехи глобального индустриального разделения труда, с одной стороны, масса высвободившейся интеллектуальной саранчи – с другой, и массив накопленных текстов – с третьей, определили успех постмодерна в бесконечной игровой интерпретации. Такие модели человека, как Homo symbolicus, Homo linguis, Homo interpretans, Homo articis, Homo litterarius, затмили классические деятельные модели: Homo habilis, Homo agens, Homo creans, Homo faber, Homo technicus. И со своей стороны постмодерн способствовал созданию новых образов человека: Homo ludens, Homo modernus, Homo futurus, Homo digitalis, Posthomo. Идеология текста, навязчивые ассоциативные интерпретации, вбросы политизированных тем гендера, расы и этноса, игра с бессознательным, теоретическая беспочвенность, антиметодологизм – подобные маркеры делают постмодерн враждебной метатеорией классической юридической техники.

Информационный постмодерн – это особая коммуникативная стратегия, которая использует фиктивные культурные объекты, цифровизацию онтичности, суррогаты, симулякры, фейки, управление хаосом, провокацию, разобщенность, реактивность и эмоциональность потребителя. Политико-правовой постмодерн – это когда неважно, что на самом деле происходит. Реальность – это то, в чем уверены люди, что транслируют. Постмодернистский консенсус позволяет держать аудиторию, кормить ее информационными нарративами про малайзийский «боинг», отравления. Спекулятивная финансовая система, виртуальная коммуникативная реальность, рост стоимости нематериальных активов – таковы результаты деонтологизации.

Специальная военная операция в Украине знаменовала тектонические изменения политики, права, экономики, военного искусства, включая онтологию. Специальная военная операция в Украине – это отмена деконструкции классического бытия. СВО – это культура отмены постмодерна, где «Украина находится в самом рассвете заката сил», где «оставление Мариуполя, Херсона – это хитрый план Киева», «разгром РФ копится постепенно, а реализуется скачкообразно» [13]. Для прикрытия беспочвенности вашингтоноцентричного Киева украинская политическая элита использует терроризм, фашизм, нацизм, а в коммуникативной сфере – постмодернистские реляции. Однако эти ситуативные технологии не помогают в долгосрочной перспективе, так как земля принадлежит солдату, который на ней стоит, а будущее – технологиям устойчивого развития, которые основаны на классических ценностях: справедливости, законности, ответственности, терпимости, уважении, открытости, добрососедстве.

Таким образом, постмодернистская метатеория – это удобный инструмент для манипуляции, который может помочь дезориентировать во время пандемии, однако такая стратегия не проходит испытание войной. Манипуляции сущим и должным только дезориентируют, что и является программой юридического постмодернизма. Некоторую системность в юспостмодернизм вносит теория габитусов.

Теория габитуса

Теория габитусов П. Бурдье – это попытка структурного объяснения текучей реальности постмодерна через термины «схема», «набросок», «символический капитал», где сам «габитус» в юридическом смысле – это некоторая конвенция, особый процессуальный способ говорить об объекте. Хорошей иллюстрацией правовой габитуальности служат работы Р.Б. Головкина и его учеников, в которых рассмотрены отдельные аспекты текучести юридизации и которые отражают суть этих метатеорий, артикуляцию таких метастабильных категорий, как комплаенс, слухи, неправда, симулякр, фейк, химера, гибрид, квантовое право [6–11]. Наряду с реальным правом мы имеем множество слоев иного права: интенционального («депутаты задумались», «судья оценил», «губернатор осудил» и т. п.), воображаемого, фейкового, иллюзорного. Очищение права от наслоений, «отколупывание» информационной шелухи и слухов – это то, что делает профессию юриста по-новому значимой и актуальной [26].

Габитусы Бурдье – это онтопроцессуальное решение парадоксов сложности. Мир состоит из транзиций и позиций, а Бурдье их объединяет в габитусы, процессуально-позиционные композиции. Французский социолог анализирует отношения между структурой, транзицией, рефлексивностью, взаимосвязью в рутинных итерациях «индивид – правовая

реальность». Проблемы структурной детерминации решаются Бурдье на метатеоретическом уровне через описание социального поля, фреймов, ответственности, рефлексивности, что тоже делает его модель деонтологизированной; но эта заброшенность территорий носит научный, а не игровой характер, как в случае с постмодерном. Бурдье остается реалистом в своих метатеоретических предположениях, однако подобная деонтологизация несет угрозу четкости юридических категорий, когда в конкретный язык права проникают термины: «правовая среда», «правовое поле», «правовая энтропия», «правовая реальность», «правовая действительность», «правовое пространство», «правовая материя» и т. п. Право отличают от других гуманитарных дисциплин конкретные социальные последствия в виде вины и наказания. Нельзя считать, что право – это один из способов воображать мир. Я могу фантазировать и не нести за это ответственность, что невозможно в случае с юридической теорией и практикой [2]. Бурдье снимает антиномию сущего и должного, вводя полевые категории, как когда-то решалась проблема дискретного и континуального в квантово-полевой картине мира [3].

Габитус координирует и солидаризирует множественные начала, ансамбли, практики, ситуации выбора в общественно-детерминированные термины: капитал, поле, социальное тело, социальный агент, культурный код, социальные структуры, история, рутинизация. Трансубстанциональность права в данном случае фиксирует ожидания от юридической техники выступить гарантом волеизъявления политических элит. Диверсифицированные диспозиции собираются целостным габитусом, каркас которого соткан из предрасположенностей, ожиданий, умолчаний, восприятий, стереотипов, слухов и прочих коллективных субъективностей [14].

Оценивая значение теории габитусов, можно назвать модель Бурдье наиболее схоластичной среди иных метатеорий или таких замкнутых систем описаний, которые претендуют на конституирование реальности, а не только на описание. При этом система Бурдье предлагает альтернативы, примиряющие классические дефиниции с неклассической глобальной динамикой.

Выводы

Рассмотренные метатеории выражают гибридный антиномичный концепт правового регулирования, или возможность соединить номос и социальный хаос, проистекающий из неоднородности, антиномичности, синергийности социального бытия.

Техника подразумевает контроль, иерархию, порядок, инструментализм, эффективность. Как создавать и реализовать нормы права в услови-

ях комплексности, глобальности акторов, нестабильности, децентрации, неопределенности, асистемности? К онтологической сложности добавились социокультурная, социотехническая, политическая, юридическая, экономическая. В планетарном смысле современный антропоцен – это апогей комплексности.

Как понять и организовать сложное общество? Классическим сложным обществом, достигшим вершины развития аграрного общества, создавшего могущественную империю и погибшего под ударами пассионарных варваров, считается Древний Рим. С тех пор «вирус комплексности» распространился повсеместно, и наличие простых обществ собирателей и охотников лишь подчеркивает значимость цивилизационного пути развития популяции homo. Месопотамия, Мемфис и Фивы, Микены и Кносс, Мохенджо-Даро и Хараппа, Хеттское царство, Этрурия, Сиань, Тиуанако, Татахуикапе, Комалькалько, Теночтитлан – эти локальные очаги цивилизации воспринимаются сегодня простыми обществами в сравнении с наступившими планетарными параметрами комплексности.

Как организация популяции людей связана с демографией и экономикой? Может ли сложность расти бесконечно? Является ли комплексность злом, а простота – панацеей? Существует ли разнообразие сценариев развития постиндустриального общества? Как сказывается деиндустриализация на развитии России и в чем заключаются риски целостности российского общества? Все эти вопросы нужно иметь в виду при создании любой социально-правовой метатеории. Актуальность темы определяется глобальным уровнем социотехнической динамики, вызовами для планетарной sustainability.

Для адаптации к комплексности, многофакторности, неустойчивости глобальной социотехнической реальности было предложено несколько концептов: синергетика, метастабильность, хаосмос, новая нормальность, VUCA, BANI. Множественность описаний комплексности детерминирована ростом интереса с управляемости процессов. Поиск оптимальной модели управления не может обойтись без когерентности, включенности, адаптивности, что требует учета природы социотехнической среды, изучения роли права, морали, религии в глобальной устойчивости. Классическая юридическая теория полагалась на сущности, а неклассическая – на акторов, контексты и ценности [32].

Метатеория юридической техники – это еще один запрос на когнитивную проблему диалектики свободы и порядка общества. Параграф рассматривает вопрос, ставший центральным в рамках происходящих процессов экономических, социальных и экологических преобразований, о социокультурной устойчивости цивилизации современного типа. Аграрная цивилизация достигает своего максимума, когда обостряется нехватка пахот-

ной земли. Выходом из кризиса становится индустриализация и урбанизация, у которых также есть свои экономические и экологические пределы. Попытки выйти за пределы развития капитализма были предприняты в рамках идей правовой конвергенции, постиндустриального развития, зеленой экономики, антироста и т. п.

Человечество всю свою историю старается снизить риски управляемости, предсказуемости, устойчивости через инструменты социальных институтов морали, религии, права, науки. Однако мы всегда наталкиваемся на несоизмеримый пролиферирующий мир, который постмодерн назвал ризомой, хаосмосом, постижимым с помощью «шизоанализа».

До сих пор количество правовых систем подвергалось хотя бы какой-то классификации, пусть и всегда ущербной. Попытки упорядочить регуляторы выглядели всегда ранжированием соленого, деревянного и громкого. Романо-германскую и англо-саксонскую системы мы различаем по технике, религиозные системы – отдельный класс, плюс еще есть социалистическая семья. И да, много систем обычного права. Что может претендовать на синтезирующую метаплатформу для фиксации нестационарных социальных порядков?

Показателен пример традиционных культур, где комплексный конструкт права, морали и религии концептуализировался как принцип устойчивости общества (маат, дхарма, дао). Sustainability, концептуальная для актуальной повестки, уже функционировала в санскритской «дхарме», происходящей от корня со значением «удерживать», «нести». Концепт дхармы объединяет самые разные регуляторы: миф, мораль, религия, право, литературу, философию для создания устойчивости социальной системы [20, 21]. Традиционные общества решают проблему сущего и должного, концептуализируя деонтическое как особый вид социально-регулятивного бытия. Дхарма соединяет дескриптивное и деонтическое. Метафизическое мышление становится точкой трансформации нормативного в бытийное. Нормативная система традиционного общества в принципе не отягощена аналитической проблемой «предписывающие высказывания vs дескриптивное», исходя из того, что должное и сущее не могут покинуть единый бытийный домен.

Литература

1. *Баранов В.М.* Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovationfailures): доктрина, практика, техника // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 85–99.

2. *Братусева О.Н., Федорченко А.А.* Концепция правового пространства: от метафоры к реальности и нормативности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 3 (46). – С. 33–38.

3. *Бронзино Л.Ю., Гребнева В.Е.* Концепция юридического поля и диспозиций Пьера Бурдьё в контексте социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 10–14.

4. *Ветютнев Ю.Ю.* Синергетика в праве // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64–72.

5. *Грунина В.А.* Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 23 с.

6. *Головкин Р.Б., Гудкова А.В., Ходырев А.В.* Сущность фейковых фикций // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1 (50). – С. 167–170.

7. *Головкин Р.Б.* Иллюзии и симулякры в теории государства и права // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 3 (5). – С. 11–21.

8. *Головкин Р.Б.* Слухи и правовое регулирование общественных отношений // Теория и практика правового регулирования в современной России : материалы научно-практической конференции. – Владимир: ВГГУ, 2010. – С. 14–18.

9. *Головкин Р.Б., Манохин В.С.* Юридический комплаенс: определение объема понятия // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 1 (62). – С. 128–132.

10. *Головкин Р.Б.* Правовая неправда // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 4 (61). – С. 127–130.

11. *Головкин Р.Б., Зыбин Д.Г., Калач А.В.* Право квантовых технологий // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 134–140.

12. *Гофман А.А., Тимощук А.С.* Новая нормальность как концепт общественных изменений // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 471–473.

13. *Гофман А.А., Тимощук А.С.* «Доблестные украинцы продолжают смело отступать, а жестокие и алчные русские трусливо наступают»: разрушение неклассической коммуникативной реальности в результате СВО // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5 (168). – С. 522–523.

14. *Гредновская Е.В.* Проблема телесной свободы и дерминированности в концепции габитуса П. Бурдье // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2009. – № 9 (142). – С. 120–124.

15. *Гуляихин В.Н.* Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. – 2013. – № 3. – С. 221–238.

16. *Захарцев С.И.* Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180–189.

17. *Ображиев К.В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 2, № 1. – С. 89–96.

18. *Мамчун В.В.* Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 243–248.

19. *Максимов А.В.* «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. – 2012. – № 12. – С. 124–142.

20. *Тимощук А.С.* Диалектика права и закона в традиционной культуре. На примере индусского права // Закон и право. – 2006. – № 10. – С. 46–47.

21. *Тимощук А.С.* Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65, № 5. – С. 893–897.

22. *Тимощук А.С.* Мод(а)ульность неклассического познания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. – М., 2009. – Вып. 41. – С. 259–261.

23. *Тимощук А.С.* Нарративные пределы мифотворчества // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 г. г. Севастополь). – Севастополь, 2019. – С. 274–277.

24. *Тимощук А.С.* Социальные эффекты медиатизации // Трансформация медиасреды в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: РГГУ, 2019. – С. 136–142.

25. *Тимощук А.С., Тимощук Е.А.* Феноменологический анализ интерполяции в праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 3 (40). – С. 194–198.

26. *Тимощук А.С.* Онтология двойных стандартов // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1. – С. 218–221.

27. *Тимощук А.С.* Философия неклассической науки. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. – 88 с.

28. *Тимощук Е.А.* Феноменология медиадискурса // Язык, право и общество в координатах массмедиа: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 сентября 2019 г.). – М., 2020. – С. 427–431.

29. *Шаханов В.В.* Метафеноменальный анализ как инновация в сфере методологии права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 474–477.

30. *Шундиков К.В.* Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1 (31). – С. 117–123.

31. *Честнов И.Л.* Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5 (81). – С. 91–96.

32. *Brewbaker W.S.* Thomas Aquinas and the Metaphysics of Law // Alabama Law Review. – 2007. – Vol. 58. – P. 575–616.

33. *Cordero R.* The negative dialectics of law: Luhmann and the sociology of juridical concepts // Social & Legal Studies. – 2020. – Vol. 29, iss. 1. – P. 3–18.

34. *Newton S.* The Dialectics of Law and Development // The New Law and Economic Development / ed. by D.M. Trubek and A. Santos. – Cambridge University Press, 2006. – P. 174–202.

35. *Kelley D.R.* The Metaphysics of Law: An Essay on the Very Young Marx // The American Historical Review. – 1978. – Vol. 83, N 2. – P. 350–367.

36. *Peller G.* The Metaphysics of American Law // California Law Review. – 1985. – Vol. 73, N 4. – P. 1151–1290.

37. *Thornhill Ch.* German Political Philosophy: The Metaphysics of Law. – London: Routledge, 2006. – 416 p.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022.
Статья прошла рецензирование 13.12.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146

HOW THE EXISTENT AND THE DEONTIC MEET

Timoshchuk, Alexey,
Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service,
67E Bolshaya Nizhegorodskaya Street, 600020, Vladimir, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4664-3215
timos@33.fsin.gov.ru

Abstract

The English empiricist philosopher David Hume (1711–1776) formulated the logical problem of the interaction of essence and deontic: moral imperatives, norms, laws, values, goals, policies, etc. are not derived from facts. The existence quantor does not apply to statements with 'should', 'must'. Similarly, artificial intelligence can operate with temporal, epistemic, and even aletic modalities, but cannot analyze deontic and axiological operators, etc. Hume's guillotine forces a distinction between the normative and the descriptive and the deductive.

Law is the most normative and precise human science, where the present and the ideal are correlated. The desire to define its essence gives rise to fundamental questions about its location. Is it worthwhile to equate norm and being? Is it possible to derive law from social rationing? Can we see it in the psychological need for order and stability, in the subjective experience of duty? How can we bring together the being and the proper in the contradictory category of 'law', which means both the objective and the present, and, on the other hand, the valuable and the concrete. The social avatar of the dilemma of the ontic and the deontic is the gap between normative and sociological jurisprudence. The methodological purity of normativism collides with a fluid social reality. Special-legal means and procedures can create a police regime, but they cannot create a system of social justice. Law from the point of view of the proper is the recognition of the dependence of the legal on the social, the political, the economic. Without the proper, however, law loses its instrumentalism. Therefore, the state is like a mangrove biome, uniting heterogeneous environments of the essential and the proper. This article develops models of legal metatheory, or such a descriptor of law, which would explain the forms of the union of the existent and the deontic.

Keywords: deontic, new normality, dialectics, metaphysics, systems theory, synergetics, habitus theory, jusnaturalism, philosophy of law, legal positivism.

Bibliographic description for citation:
Timoshchuk A. How the Existent and the Deontic Meet. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 127–146. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146.

References

1. Baranov V.M. Innovatsionnye yuridicheskie proekty v fokuse neudach (innovationfailures): doktrina, praktika, tekhnika [Innovative legal projects in the focus of failures (innovation failures): doctrine, practice, technique]. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2021, no. 15, pp. 85–99.

2. Bratuseva O.N., Fedorchenko A.A. Kontseptsiya pravovogo prostranstva: ot metafory k real'nosti i normativnosti [The concept of legal space: from metaphor to reality and normativity]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariat*, 2017, no. 3 (46), pp. 33–38.

3. Bronzino L.Yu., Grebneva V.E. Kontseptsiya yuridicheskogo polya i dispozitsii P'era Burd'e v kontekste sotsial'nogo konstruktivizma [The concept of the legal field and dispositions of Pierre Bourdieu in the context of social constructivism]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2016, no. 5, pp. 10–14.

4. Vetyutnev Yu.Yu. Sinergetika v prave [Synergetics in law]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2002, no. 4, pp. 64–72.

5. Grunina V.A. *Sinergeticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Synergetic foundations of legal regulation. Autors abstract of PhD Legal Sciences diss.]. Vladimir, 2006. 23 p.

6. Golovkin R.B., Gudkova A.V., Khodyrev A.V. Sushchnost' feikovykh fiktsii [The essence of fake fictions]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2019, no. 1 (50), pp. 167–170.

7. Golovkin R.B. Illyuzii i simulyakry v teorii gosudarstva i prava [Illusions and simulacra in the theory of state and law]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Yuridicheskie nauki* = Bulletin of Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs. «Law science» edition, 2015, no. 3 (5), pp. 11–21.

8. Golovkin R.B. [Rumors and legal regulation of public relations]. *Teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya v sovremennoi Rossii* [Theory and practice of legal regulation in modern Russia]. Materials of scientific-practical conference. Vladimir, VGGU Publ., 2010, pp. 14–18. (In Russian).

9. Golovkin R.B., Manokhin V.S. Yuridicheskii komplaens: opredelenie ob''ema ponyatiya [Legal compliance: defining the scope of the concept]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2022, no. 1 (62), pp. 128–132.

10. Golovkin R.B. Pravovaya nepravda [Legal untruth]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2021, no. 4 (61), pp. 127–130.

11. Golovkin R.B., Zybin D.G., Kalach A.V. Pravo kvantovykh tekhnologii [The Law of Quantum Technologies]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentionary Service*, 2021, no. 1, pp. 134–140.

12. Gofman A.A., Timoshchuk A.S. Novaya normal'nost' kak kontsept obshchestvennykh izmenenii [New Normality as a Concept of Social Change]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2021, no. 3 (154), pp. 471–473.

13. Gofman A.A., Timoshchuk A.S. «Doblestnye ukraintsy prodolzhayut smelo otstupat', a zhestokie i alchnye russkie truslivo nastupayut": razrushenie neklassicheskoi kommunikativnoi real'nosti v rezul'tate SVO ["The valiant Ukrainians continue to retreat boldly, while the cruel and greedy Russians cowardly advance": the destruction of non-classical communicative reality as a result of the SWO]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2022, no. 5 (168), pp. 522–523.

14. Grednovskaya E.V. Problema telesnoi svobody i derminirovannosti v kontseptsii gabitusa P. Burd'e [The problem of bodily liberty and determinancy concept habitusa P. Bourdieu]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2009, no. 9 (142), pp. 120–124.

15. Gulyaikhin V.N. Dialektika estestvennogo i pozitivnogo prava kak istochnik obshchestvenno-pravovogo progressa [Dialectics of natural and positive law as a source of social and legal progress]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*, 2013, no. 3, pp. 221–238.

16. Zakhartsev S.I. Filosofiya prava i dialektika [Philosophy of Law and Dialectics]. *Mir politiki i sotsiologii = World of Politics and Sociology*, 2012, no. 11, pp. 180–189.

17. Obrazhiev K.V. Sistemnyi podkhod v yurisprudentsii: teoretiko-metodologicheskie osnovy [System approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 89–96.

18. Mamchun V.V. Risk v yuridicheskoi deyatel'nosti: sushchnost' i determinatsiya [Risk in legal activity: essence and determination]. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2019, no. 13, pp. 243–248.

19. Maksimov L.V. «Gil'otina Yuma»: pro et contra [Hume's Guillotine: pro et contra]. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*, 2012, no. 12, pp. 124–142.

20. Timoshchuk A.S. Dialektika prava i zakona v traditsionnoi kul'ture. Na primere indusskogo prava [Dialectics of law and law in traditional culture. On the example of Hindu law]. *Zakon i pravo = Law & Legislation*, 2006, no. 10, pp. 46–47.

21. Timoshchuk A.S. Osobennosti pravovoi sistemy traditsionnogo obshchestva (na primere klassicheskogo indusskogo prava) [Features of the legal system of a traditional society (on the example of classical Hindu law)]. *Lex Russica (Russkii zakon)*, 2006, vol. 65, no. 5, pp. 893–897. (In Russian).

22. Timoshchuk A.S. Mod(a)ul'nost' neklassicheskogo poznaniya [Modularity of non-classical knowledge]. *Aktual'nye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya* [Actual problems of socio-humanitarian knowledge]. Collection of scientific works of the Department of Philosophy of the Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2009, iss. 41, pp. 259–261.

23. Timoshchuk A.S. [Narrative Limits of Mythmaking]. *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture]. Collection of Materials of the III International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2019, Sevastopol). Sevastopol, 2019, pp. 274–277. (In Russian).

24. Timoshchuk A.S. [Social effects of mediatization]. *Transformatsiya mediasredy v XXI veke* [Transformation of the media environment in the XXI century]. Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow, RGGU Publ., 2019, pp. 136–142. (In Russian).

25. Timoshchuk A.S., Timoshchuk E.A. Fenomenologicheskii analiz interpolyatsii v prave [Phenomenological analysis of interpolation in law]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2016, no. 3 (40), pp. 194–198.

26. Timoshchuk A.S. Ontologiya dvoinykh standartov [Ontology of double standards]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2007, no. 1, pp. 218–221.

27. Timoshchuk A.S. *Filosofiya neklassicheskoi nauki* [Philosophy of non-classical science]. Vladimir, *Vladimir Law Institute* Publ., 2010. 88 p.

28. Timoshchuk E.A. [Phenomenology of media discourse]. *Yazyk, pravo i obshchestvo v koordinatakh massmedia* [Language, law, and society in mass media dimension]. III International Scientific Conference Compendium (Moscow, ILCL under the Government of the RF, 25th–26th September 2019). Moscow, 2020, pp. 427–431. (In Russian).

29. Shakhanov V.V. Metafenomenal'nyi analiz kak innovatsiya v sfere metodologii prava [Metaphenomenal analysis as an innovation in the field of legal methodology]. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2021, no. 15, pp. 474–477.

30. Shundikov K.V. Sinergetika i pravovoe regulirovanie [Synergetics and legal regulation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2013, no. 1 (31), pp. 117–123.

31. Chestnov I.L. Istoriko-pravovaya nauka v situatsii postpostmoderna [Historical and legal science in a post-postmodern situation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, no. 5 (81), pp. 91–96.

32. Brewbaker W.S. Thomas Aquinas and the Metaphysics of Law. *Alabama Law Review*, 2007, vol. 58, pp. 575–616.

33. Cordero R. The negative dialectics of law: Luhmann and the sociology of juridical concepts. *Social & Legal Studies*, 2020, vol. 29, iss. 1, pp. 3–18.

34. Newton PP. The Dialectics of Law and Development. *The New Law and Economic Development*. Ed. by D.M. Trubek and A. Santo. Cambridge University Press, 2006, pp. 174–202.

35. Kelley D.R. The Metaphysics of Law: An Essay on the Very Young Marx. *The American Historical Review*, 1978, vol. 83, no. 2, pp. 350–367.

36. Peller G. The Metaphysics of American Law. *California Law Review*, 1985, vol. 73, no. 4, pp. 1151–1290.

37. Thornhill Ch. *German Political Philosophy: The Metaphysics of Law*. London, Routledge, 2006. 416 p.

The article was received on 10.10.2022.
The article was reviewed on 13.12.2022.